

- студентам могут быть предоставлены специальные возможности для использования различных источников социальных сетей в университете для изучения английского языка.

Студенты экологического профиля не могут быть отделены от развития информации и технологий. Интернет используется не только для социальных сетей, но и для академических целей. Он используется в качестве источника обучения, будь то в классе или вне класса, чтобы они могли изучать английский язык под руководством преподавателя или самостоятельно. Поэтому многие студенты считают, что им повезло, что они живут в век информационных технологий, когда можно быстро и легко получить доступ ко всему, в том числе к источникам обучения в социальных сетях. Они используют социальные сети для улучшения качества английского языка, потому что чувствуют, что это увлекательно, интересно, просто в использовании, эффективно и информативно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Королева, Д.О. Всегда онлайн: использование мобильных технологий и социальных сетей современными подростками дома и в школе / Д.О. Королева // Вопросы образования. – 2016. – №1. – с.214-216.
2. Горошко, Е. И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры / Е.И. Горошко // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 328 с.
3. Black, R. W. Access and affiliation: The literacy and composition practices of English-language learners in an online fan fiction community. / R. W. Black // Journal Of Adolescent & Adult Literacy. – 2005. – № 49(2). – P.118-128.
4. Kaplan, A. M., Haenlein, M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media. / A.M. Kaplan, M. Haenlein // Business horizons. – 2010. – № 53(1). – P. 59-68.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В «ЭКОЛОГИЧЕСКОМ РОМАНЕ» С.П. ЗАЛЫГИНА: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ

VERBALIZATION OF ENVIRONMENTAL DISCOURSE IN “ENVIRONMENTAL NOVEL” S.P. SALYGIN’S: SEMANTIC DOMINANTS

А. А. Гицуцкий^{1,2}

A. Girutskij^{1,2}

¹Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
Минск, Республика Беларусь

²Белорусский государственный университет, МГЭИ им. А. Д. Сахарова БГУ,
Минск, Республика Беларусь

¹Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus

*²Belarusian State University, ISEI BSU, Minsk, Republic of Belarus
hirutski@mail.ru*

В докладе рассматривается вербально-художественное наполнение экологического дискурса в произведении Залыгина «Экологический роман». Характеризуются основные составляющие экологического дискурса романа: мировоззренческая, экономическая, политическая, культурно-историческая, этическая, научно-техническая, служащие фоном, обуславливающим специфику семантических доминант. Выделяются следующие семантические доминанты в архитектонике романа: ‘золотая рыбка’, ‘Пятьсот первая стройка’, ‘кВч – киловатт-час’, ‘наука и природа’, ‘Чернобыль’.

The report examines the verbal and artistic content of the ecological discourse in the work of Zalygin “Ecological Novel”. The main components of the novel’s ecological discourse are characterized: ideological, economic, political, cultural-historical, ethical, scientific and technical which serve as a background that determines the specifics of semantic dominants. The following semantic dominants are distinguished in the architectonics of the novel as “golden fish”, “Five hundred and first construction site”, “kWh - kilowatt-hour”, “science and nature”, “Chernobyl”.

Ключевые слова: экологический дискурс, семантические доминанты, наука и природа, Чернобыль, технократическая цивилизация.

Keywords: ecological discourse, semantic dominants, science and nature, Chernobyl, technocratic civilization.

<https://doi.org/10.46646/SAKH-2021-1-189-192>

К середине XX века, когда стали всё более явственно проявляться разрушительные последствия вмешательства человека в жизнь природы, экологическая тема начинает все мощнее звучать в публицистике и художественной

литературе в статьях и художественных произведениях Л. Леонова, С. Залыгина, Ф. Абрамова, В. Распутина, В. Астафьева, Б. Васильева, Г. Троепольского и др. В этом ряду особое место занимает экологическая деятельность С. Залыгина.

С. Залыгин обращается к экологической проблематике с середины 1950-х гг., когда в качестве собственно-го корреспондента «Известий» он посещает строительство канала «Волго-Дон», Цимлянской, Волжской, Новосибирской, Усть-Каменогорской, Красноярской ГЭС. Его потрясает гигантское по масштабам техническое воздействие на природу, наносящее видимый невооруженным глазом столь же огромный вред окружающей среде. Писатель становится одним из самых авторитетных участников экологического движения в стране, после того как при его непосредственном участии закрывается проект Нижне-Обской ГЭС. Начиная с 1960-х гг. публикуются десятки выступлений С. Залыгина по вопросам экологии: «Вода и земля Земли» (1968), «НТР и литература. Размышления и догадки» (1973), «Литература и природа» (1980), «Вода подвижная, вода неподвижная» (1984), «Проект: научная обоснованность и ответственность», «Водное хозяйство без стоимости. воды?» (1985), «Интеллект и литература» (1986), «Поворот. Уроки одной дискуссии», «Разумный союз с природой», «А что же дальше? Кому нужен и кому не нужен поворот?» (1987) и т.д. [1, с. 132 – 133]. Публикации 80-х гг. явились самым известным практическим результатом борьбы С.П. Залыгина против известного в эти годы «проекта века» – поворота сибирских рек на юг. Стоявший тогда во главе литературного журнала «Новый мир» С. Залыгин сумел привлечь на свою сторону общественность, что вкупе с политическими процессами, открывшими возможность высказывать свое мнение широким массам, привело к тому, что экологическое движение против поворота сибирских рек на юг приняло всенародный размах, и «проект века» был закрыт

В 1993 г. в «Новом мире» за № 12 выходит «Экологический роман» С. Залыгина, выражющий в художественно-публицистической форме взгляды писателя на экологию. Иногда его трактуют как роман о Чернобыльской катастрофе, хотя он не только о ней, тем более что самой катастрофе в финальной части романа отведено не так уж и много места. Это, по сути, философско-публицистический роман, хотя некоторые называют его социально-историческим, другие же относят к жанру антиутопии. «Экологический роман» автобиографичен, в нем за судьбой главного героя – инженера-гидролога Николая Ивановича Голубева – угадывается сам автор, его жизнь и судьба. Но, пожалуй, главным в романе является даже не Голубев, и не человек, а природа и отношение человека к ней. Экология в романе представлена в самом широком спектре идей и воплощений – мировоззренческом, экономическом, политическом, культурно-историческом, этическом, научно-техническом. Она дает возможность проследить эволюцию натуралистической философии С. Залыгина, его «экологическую психологию», исторические место и роль государственной машины в уничтожении природы и подавлении человека. По своей тематике, масштабности и глубине «Экологический роман» вызывает литературные аллюзии с романом Л. Леонова «Русский лес», учением В. Вернадского о биосфере и ноосфере, трагедийным пафосом работ, посвященных Чернобыльской катастрофе, антиутопией романа «Мы» Е. Замятиня.

Действие романа начинается в предвоенные годы, разворачивается в военные годы с их спецификой концентрации всех людских и материальных ресурсов для достижения победы, и заканчивается в перестроечные годы. Война определяет и провозглашаемые на равных две семантические доминанты этой части романа, обусловливающие поведение героев во всех сферах деятельности: *«Всё для фронта! Война всё спишет!»*. И если первая часть этой семантической доминанты несет в себе глубокий патриотический смысл, то вторая часть может пониматься по-разному, подталкивая людей, скажем мягко, к не всегда разумным поступкам, к желанию выслужиться, не считаясь с потерями и затратами. Именно с таким расточительством природных и материальных ресурсов, людского труда сталкивается Голубев, когда секретарь окружкома партии предлагает ему как инженеру-гидрологу *«перегородить Обь бо-о-ольшим-бо-о-о-альным неводом, взять тысячи тонн рыбы, отправить рыбу на фронт и содействовать победе наших войск над фашистами»* [2]. Голубев сделал расчеты, хотя поначалу пытался отказаться, понимая сложность и возможную бесперспективность работы, но – *«Всё для фронта!»* Ширина Оби в том месте составляла пять километров, дело было зимой, и невод нужно было опускать под лед, предварительно поставив опоры. Для этого потребовалось множество опор из бревен невероятных размеров – до двух метров в диаметре. Чтобы их связать, чтобы протянуть трос от правого берега Оби к левому и обратно, троса требовалось семьдесят километров; камня, чтобы погрузить опоры на всю глубину реки, — пять тонн на каждую, металлической сетки, чтобы загрузить в нее камень, – чуть ли не гектар [2]. Вся многотрудная и затратная работа по проекту была выполнена, день подъема невода был объявлен торжественным, играл оркестр при многолюдной толпе, но вместо тонн рыбы в нем оказалось с килограмм рыбешки. Война списала, никого не посадили, поскольку неожиданным образом оказалось, что поставлен рекорд: впервые в истории перекрыли великую реку Обь. «Золотая рыбка» – так назвал эту главу С. Залыгин, имея в виду колоссальные затраты на килограмм добытой рыбы, и это была точнейшая доминантная метафора со всем ее многозначным смысловым полем, включившим в себя и этот никому не нужный пустой рекорд перекрытия Оби, который был освящен даже в военное время повышением по службе некоторых начальственных его участников.

Семантические доминанты романа в большинстве случаев заключены в названиях глав. Иногда некоторые названия ни о чем не говорят читателю, хотя и концентрируют в себе основной смысл главы. Такой является глава «Пятьсот первая стройка», в которой речь идет о сталинском проекте строительства в военные годы железной дороги от Воркуты через Урал, через реки Обь, Енисей, Лену, Индигирку и Колыму до Берингова пролива. Экологическая суть этой главы – проект 501 является самым бессмысленным за всю историю творения рук

человеческих. Пятьсот первая стройка была так же античеловечна, как и антиприродна. После смерти Сталина стройка была закрыта, но, как отмечает С. Залыгин, «дорога 501 никогда и не могла быть построенной, не могла стать дорогой, природа тундры с самого начала не воспринимала ее, тундровые грунты не выдержали бы груза поездов, если бы даже насыпь и рельсы оказались тем грунтам посильны» [2].

Летом 1954 Голубев инспектировал гидрометеостанцию в Салехарде. В самом городе и его окрестностях он увидел «страшное зрелище страшного замысла» – результаты незавершенной Пятьсот первой стройки. Новый город, построенный для нее, спустя год был мертв, «деревянные тротуары нового города оказались безлюдны, двухэтажные деревянные дома, жилые и с вывесками магазинов, сберкасс и всякого рода служб, стояли с распахнутыми дверями и окнами, двери скрипели, из окон выпадали стекла» [2].

Под стать обезображеному городу выглядела и природа в окрестностях недостроенной дороги: «Насыпь дороги уже деформировалась, осела, разошлись в стороны рельсы, заржавели, шпалы висели на провисших рельсах; резервуары вдоль насыпи, грунт из которых пошел в насыпь, заполнились водой, а тундра вдоль дороги была изрыта, захламлена и перестала быть земной поверхностью, стала поверхностью неизвестно чего» [2]. И как контраст, альтернатива бездумной человеческой деятельности, уничтожающей природу, и тем самым сужающей свое же жизненное пространство, рядом, невдалеке картина еще живой природы: «С холмика открывался вид на юг, на другую сторону Полуя, где нетронутая Пятьсот первой стройкой тундра простиралась так, как только она одна на всей суше умеет простираться, бесконечная в тусклой зелени своей, в синеве и других неярких красках, которые никогда не были и никогда не будут доступны изображению кисти художников, объективам фото- и киноаппаратов» [2].

Последний мазок в семантическую доминанту ‘Пятьсот первая стройка’ вносит знакомство Голубева с бараками, с теми условиями, в которых жили строители этой «великой стройки»: колючая проволока вокруг бараков, смотровые вышки; внутри – темные, низкие, сырье стены, нары с обеих сторон; везде гниль, затхлость, лохмотья на полу и на нарах. Жизни человеческой «здесь не могло быть никогда – только что-то ей противоположное, антижизнь, антиявление», резюмирует для себя Голубев. И, таким образом, семантическая доминанта ‘Пятьсот первая стройка’ вербализуется и наполняется главными смыслами: *бессмысличество, античеловечность, антиприрода, антижизнь, антиявление*.

Глава «Нижне-Обская ГЭС» посвящена борьбе Голубева против строительства этой ГЭС, которая, будь этот проект осуществлен, наносила бы огромный экологический вред окружающей среде. Затапливались богатейшие земли с их природными ресурсами – нефтью, газом, лесами и их обитателями. Площадь затопления по территории равнялась площади Чехословакии, столько же подтапливалось. По мнению Голубева, это было грандиозное преступление, которого нельзя было допустить. Семантической доминантой в этой главе является не ее название, а единица мощности *киловатт-час*, выступающая основным смысловым центром главы, художественным воплощением и двигателем сюжета.

Киловатт-час как некая независимая сущность появляется уже в начале главы, где ему приписываются онтологические свойства. Он, по мнению автора романа, «поделил историю человечества на две неравные части: одна до, другая после его появления». Ни одна из религий не сумела этого сделать, а киловатт-час сумел, и «*ничто так не определило антиприродную сущность человека, как киловатт-час*». И вот уже киловатт-час обретает мифические, метафизические черты, существует в какой-то неподвластной человеку области, в которой «время каждого из нас – деятельное и бездеятельное, счастливое и несчастное, время сна и яви – где-то и кем-то обязательно пересчитывается на киловатт-часы: сколько их истрачено в этой действительности? И сколько в той же действительности надлежало истратить в соответствии с существующими нормами – большие, меньшие или точь-в-точь?» [2]. Горькое размышление, но не отражается ли в нем стремление человека организовывать социальную жизнь именно таким образом, особенно в условиях возможностей современного тотального контроля над всем и оцифровкой жизни, человека и природы? И здесь уже не кажутся мистическими рассуждения Залыгина о том, что человек, который владеет всеми киловатт-часами мира, будет самым могущественным правителем. Stalin это знал, утверждает Залыгин, поэтому и «*замыслил великое преобразование природы, когда начал строить самые мощные в мире ГЭС на Волге, Каме, Дону, Оби, Енисее. Он не оставлял живыми течения великих русских рек на всем их протяжении – только через водохранилища*» [2].

В сущности, в силу своей «природности» и занимаемого положения Голубев до поры до времени оставался вне «великих строек» и «тяжкой длани киловатт-часа». Это «вне» давалось ему естественно и просто, хотя он и знал, и чувствовал, что придет время для испытания его «природности». Это случилось в послесталинскую эпоху, когда Голубев стал начальником отдела гидрологии могущественного учреждения «киловатт-часа» – монопольного проектировщика гидроэлектрических станций в СССР. На всем протяжении его существования учреждение многократно реорганизовывали, давали ему разные названия, но Голубев назвал его так: «киловатт-час», или сокращенно «кВЧ». С этого момента «кВЧ» становится основным двигателем сюжета, событий, происходящих как в его стенах, так и вне, эпизодов в жизни Голубева, перипетий борьбы «за» и «против» строительства Нижне-Обской ГЭС. «Природность» Голубева устояла, экологическая победа была одержана, конечно же, не без помощи других могущественных сил, вовлеченных в эту борьбу. Но в этой борьбе Голубев увидел безжалостный механизм работы «кВЧ» – государства в лице его отдельных организаций, их структурных подразделений, управлений, министерств и т.д.

«Киловатт-час» в лице государства выступал безличным собственником, ограниченным буквально и единственными своими государственными границами. Это была монопольная система, которая действовала во имя собственных интересов, сама перед собой отчитывалась и самой же себе отпускала грехи. Она образовывала вокруг себя мир, точнее – антимир мнимых, искаженных величин. Она вырабатывала и свою систему ценностей, и свою идеологию, и свои правила

игры. И тогда реки переставали быть природой, они становились постановлениями, решениями, программными разработками, протоколами и докладами. Здесь, в этом «кВч»-мире командовали не природные законы существования, а политические установки. «Любимой игрушкой» «кВч»-государства выступала гигантомания. Если стройка, то обязательно стройка века. Если плотина, то непременно высотная. Если энтузиазм, то он должен бить через край. Если планы, то только исторические. Это была вне-экологичная, разорительная, разрушительная, абсурдная «кВч» система [3].

Основополагающей во взглядах Залыгина, и соответственно Голубева, на экологию выступает семантическая доминанта ‘наука и природа’, наполняющая концептуальным смыслом шестую и седьмую главы. Здесь и автор, и герой стержнем своей экологической философии делают учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере, рассматривая вслед за ним ноосферу как геологическую силу, когда разумная деятельность человека становится решающим фактором развития биосферы. В записях Голубева по Вернадскому, наука — часть природы, она не только природу изучает, но и взаимодействует с нею, создавая “мыслящую” оболочку земного шара — ноосферу. Наука становится геологическим пластом, новыми формами обмена веществом и энергией между людьми и окружающей природой.

По Вернадскому, природа — гармония видов, подвидов и семейств, уничтожение хотя бы одного вида влечет за собой вымирание других видов, то есть сокращается общий для живого вещества генетический фонд. И здесь же, в записях Голубева своих мыслей о чистой науке, сравнение по годам работ современников – Правителя «кВч» Сталина и академика Вернадского, их взглядов на природу, будущее человечества. В качестве примера несколько сталинских цитат из записей Голубева:

«По Сталину, коротко и отчетливо: природа — это бессмысленная материя, в которую необходимо привнести идеологию.

По Сталину, природа могла создать существо умнее, чем она сама, только ради “венца своего творения” она и существовала.

Рабочий класс нашей страны, уничтожив эксплуатацию человека человеком и утвердив социалистический строй, доказал всему миру правоту своего дела» [2].

И виделось Голубеву в его выписках, что-то жуткое, что-то роковое, смысл которого оставался ему недоступен. Очевиднымказалось лишь то, что слишком большое расстояние было «между одним и другим, если в нем потерянется экология — ничего удивительного». И она терялась. В более поздние годы все так же бессмысленно тратились государственные миллиарды на строительства, которые растягивались на десятилетия, а потом свертывались, лишь нанося вред окружающей среде, плодились безумные проекты преобразования природы типа поворота северных рек на юг и т.д. «Венец творения природы» демонстрировал свою приверженность принципам «кВч». Россия так и не поняла, сокрушился Голубев, «по стопам каких знатоков ее земли ей следует идти в будущее». Нынче уже поздно, поскольку природа уже расчленена на части, а по частям ее запросто подчиняет себе всемогущий «кВч». Бесспорным доказательством этого для Голубева стало 26 апреля 1986 года – Чернобыль.

Семантическая доминанта ‘Чернобыль’ выступает в романе в качестве символа вины человека перед природой, хотя сама тема занимает лишь часть последней главы. Посещая «чернобыльскую зону» и как специалист-гидролог последнюю реку в своей жизни – Припять, Голубев своими глазами увидел «экологическую уязвимость» современной технократической цивилизации, подарившей миру, по расхожему в литературе выражению, «ядовитый рай». Чернобыльская катастрофа парадоксальным образом завершает эволюцию экологических взглядов Голубева. Он уже критически оценивает возможности человека согласовать человеческий разум с природным разумом. И если высоко оцениваемый Голубевым академик Вернадский полагал, что «неуклонный научно-технический прогресс приведет к торжеству разума и столь же разумной организации природы» [4, с. 19], то Голубев уже лишается таких иллюзий. И если это еще не безверие в человека, то, по крайней мере, сильный скептицизм. Любая социальная, научная и даже религиозная теория кажутся ему антиприродными. В finale романа он пытается снять с себя даже необходимость думать об этих проблемах. Если «Христос, Магомет, Будда и другие так и не смогли отвратить человека от его антиприродности, то чего же тогда с Голубева-то спрашивать?» – убеждает он себя.

«Экологический роман» С.П. Залыгина – это прозорливое видение прошлого, настоящего и будущего состоявшейся технократической цивилизации, которая как неотъемлемая часть «кВч» уничтожает основу своего физического и духовного существования – природу, бездумной поступью шагая за Правителем с его непонятными принципами и целями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпенко, И.И. Экологическая проблематика публицистики С.П. Залыгина / И.И.. Карпенко, В.Ю. Меринов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 20 (163). Выпуск 19. – С. 131 – 139.
2. Залыгин, С.П. Экологический роман. [Электронный ресурс]. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1993/12/ekologicheskij-roman.html (дата обращения: 20.03.2021).
3. [Электронный ресурс]. – URL: herzenlib.ru/ecology/docs/region_center/hud...1.doc (дата обращения: 23.03.2021).
4. Гирукций, А.А. Экология семиосферы: теория и дискурсная практика / Анатолий Гирукций. Минск: Монолит, 2020. – 94 с.